

«НОБЕЛЕВСКАЯ ЛЕКЦИЯ» А.И.СОЛЖЕНИЦЫНА (ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ И ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ)

Ю.Г.Гущин, А.Ю.Мусихина

(Московский институт открытого образования, Москва, Россия)

Жизни и творчеству А.И.Солженицына посвятили свои работы А. Архангельский, Л.Е.Герасимова, М.М.Голубков, С.В.Крылова, Н.Л. Лейдерман, П.Паламарчук, Н.А.Решетовская, В.С.Синенко, П.Е. Спиваковский, Н.А.Струве, А.В.Урманов, В.А.Чалмаев, Д.Штурман [1]. Нобелевская премия Солженицына рассматривается обычно как важный факт биографии писателя. Однако представляет значительный интерес анализ его «Нобелевской лекции» в проблемно-тематическом и жанрово-стилистическом аспектах. Приковывает наше внимание и история создания этой лекции.

В конце 1970 г. автор «Матрёнина двора» получил извещение о том, что ему, по представлению французского писателя Франсуа Мориака и его коллег, присуждена Нобелевская премия по литературе «за нравственную силу, с которой он продолжил извечную традицию русской литературы» [2, с.415]. Присуждение Нобелевской премии Солженицыну вызвало двойственную, в основном негативную, реакцию у «советской общественности». Но на родине писателя прозвучали и голоса в поддержку этого решения Нобелевского комитета. В частности, М.Ростропович в своём письме от 31 октября 1970 г. в центральные издания сознавался: «Я знаю многие произведения Солженицына. Люблю их. Считаю, что он выстрадал право искать правду, как её видит...» [2, с.425]. Впрочем, таких «мнений» было немного, и они, можно сказать, утонули в хоре недовольных, негодующих голосов, возражающих против принятия этого решения. Это неожиданное известие Нобелевского комитета стало для художника источником новых испытаний.

По нобелевской традиции, лауреат должен был подготовить и прочесть лекцию по «своему предмету». Жанр и состав лекции не был определён. Нобелевская была присуждена Солженицыну в октябре 1970 г., но от поездки в Стокгольм пришлось отказаться. Писатель опасался, что его попробуют «отсечь от родной земли», преградят ему «возврат домой» [3].

Лекция была создана в конце 1971 - начале 1972 гг. в Ильинском (в Подмосковье) к ожидаемому вручению премии в Москве учёным секретарем Шведской академии К.Р.Гировым. Однако советская власть отказала К.Р.Гирову в визе. Церемония не состоялась. Текст лекции тайно переслали в Швецию и там напечатали в 1972 г. на русском, шведском и английском языках в официальном сборнике «Les prix Nobel en 1971». На Западе она неоднократно переиздавалась на европейских языках и по-

русски. На родине лекция впервые напечатана через 18 лет после её написания в журнале «Новый мир» (1989, №7), то есть в результате политики перестройки в СССР.

Когда Солженицын начал подготовку Нобелевской лекции, то обнаружил, что в творческом задании «таится противоречие», ему, в сущности, предлагалось «сменить вид работы» и «высказаться в плане скорее литературоведческом». В своём письме от 21 января 1971 г. в Нобелевский Фонд он сообщал: «Лично я обнаружил, что не смогу удержаться в рамках специфически литературных: суждения о литературе сегодняшнего дня для меня невозможны в отрыве от суждений социальных и политических; большим (и, вероятно, неплодотворным) усилием будет для меня удержать себя в узде, говорить о природе искусства или природе красоты и избежать современного состояния жизни на Востоке и Западе, не затронуть тех вопросов, которые горят в душе» [4, с.339].

Солженицын опасался, что лекция выйдет за «всякие допустимые рамки» нобелевской лекции по литературе. И действительно, его опасения были небезосновательны. «Нобелевская лекция» известного писателя включает в себя целый ряд тем и проблем. В ней звучат темы искусства, национальной и мировой литератур. Тема искусства поднимается в первой же главке лекции: предпринимается попытка его определения, рассматриваются низшая и высшая формы, старое и новое искусство, происхождение и назначение, «недоступное» в искусстве, утверждается вечность, бессмертность искусства, выводятся разные типы художников, говорится об «ощущении устойчивой гармонии» мира в их душах.

В седьмой же главке лекции мастер слова обращает свой взор к мировой литературе. Он пишет: «Помимо исконных национальных литератур, существовало и в прежние века понятие мировой литературы – как огибающей по вершинам национальных и как совокупности литературных взаимовлияний. Но случалась задержка во времени: читатели и писатели узнавали писателей иноземных с опозданием, иногда вековым, так что и взаимные влияния опаздывали, и огибающая национальных литературных вершин проступала уже в глазах потомков, не современников» [5, с.21-22]. По мнению признанного публициста, мировая литература – «некое общее тело и общий дух, живое сердечное единство, в котором отражается растущее духовное единство человечества» [5, с.22]. Мировой литературе «под силу» помочь человечеству – совместить деления «шкал», чтобы «одни народы узнали бы верно и жгато истинную историю других» и тем «обережены бы были от запоздалых жестоких ошибок» [5, с.23]. Кроме того, в лекции проходят темы «маленького (простого) человека», учёных (науки), современной молодежи, западного общества, ООН, XX века в целом. Писатель бесстрашно констатирует: «Оказался наш XX век жесточе предыдущих, и

первой его половиной не кончилось всё страшное в нём. Те же пещерные чувства – жадность, зависть, необузданность, взаимное недоброжелательство, на ходу принимая приличные псевдонимы вроде классовой, расовой, массовой профсоюзной борьбы, рвут и разрывают наш мир. Пещерное неприятие компромиссов введено в теоретический принцип и считается добродетелью ортодоксальности. Оно требует миллионных жертв в нескончаемых гражданских войнах, оно нагруживает в душу нам, что нет общечеловеческих, устойчивых понятий *добра* (выделено нами. – Ю.Г., А.М.) и справедливости, что все они текучи, меняются, а значит всегда должно поступать так, как выгодно твоей партии» [5, с.17-18].

В своей лекции Солженицын при отрицательной характеристике особенностей XX века использует и вторую категорию из приводимой им в начале речи триады «Истина, Добро и Красота». Первая же категория появляется во второй её части, когда осмысляются разные типы писателей и создаваемые ими художественные произведения. Автор «Красного колеса» делит все художественные произведения на два вида. Он считает: «Произведение же художественное свою проверку несёт само в себе: концепции придуманные, натянутые, не выдерживают испытания на образах: разваливаются и те и другие, оказываются хилы, бледны, никого не убеждают. Произведения же, зачерпнувшие *истины* (выделено нами. – Ю.Г., А.М.) и представившие нам её сгущённо-живой, захватывают нас, приобщают к себе властно, - никто, никогда, даже через века, не явится их опровергать» [5, с.9].

Как видим, публицист проводит чёткую границу между двумя родами произведений, опираясь вновь на пришедшую в его память триаду «Истина, Добро и Красота». Во второй главке лекции Солженицын упорно и напряженно размышляет над крылатой фразой Достоевского «Мир спасёт красота». Ему также кажется, что триада «Истина, Добро и Красота» - это «не просто парадная обветшалая формула», она имеет право на жизнь. Он утверждает: «Если вершины этих трех деревьев (Истины, Добра и Красоты) сходятся, как утверждали исследователи, но слишком явные, слишком прямые поросли Истины и Добра задавлены, срублены, не пропускаются, - то может быть причудливые, непредсказуемые, неожиданные поросли Красоты пробьются и взойдутся в то же самое место, и так выполняют работу за всех трех?» [5, с.10].

Как видим, автор «Ракового корпуса» пытается добраться до сути триады «Истина, Добро и Красота», её значения для русской литературы, пристально рассматривает категорию «Красоты». В лекции осмысляются также утраты, потери русской литературы, положения «Декларации прав человека», «единства человечества». В третьей главке лекции мастер слова, опираясь на свой солидный «личный и групповой жизненный опыт», на исключительное знание Архипелага Гулаг, приходит к выводу:

«Целая национальная литература осталась там, погребённая не только без гроба, но даже без нижнего белья, голая, с биркой на пальце ноги. Ни на миг не прерывалась русская литература!» [5, с.10-11].

Скорбя о понесенных русской литературой потерях, утратах, Солженицын ни на минуту не забывает о традициях, преемственности русской литературы, её связях с мировой литературой. В Нобелевской лекции поднимается также множество важных проблем: места (положения) и роли писателя в этом «жестоким, динамичном, взрывном мире»; взаимоотношений мастера слова с молодежью, обществом, правительствами; ответственности художников за своё искусство, долга искусства и художников перед обществом; роли учёных в современном мире; «шкалы» оценок всех народов к разным событиям, и, как следствие, единства человечества; преемственности (традиций) русской литературы; назначения и роли искусства, русской и мировой литературы.

Одним из впечатляюще ярких эпизодов этой лекции был упрёк публициста всем учёным на земле. Он предаётся таким размышлениям: «Казалось бы, облик современного мира весь в руках учёных, все технические шаги человечества решаются ими. Казалось бы, именно от всемирного содружества учёных, а не от политиков должно зависеть, куда миру идти. Тем более что пример единиц показывает, как много могли бы они сдвинуть все вместе. Но нет, учёные не явили яркой попытки стать важной самостоятельно действующей силой человечества. Целыми конгрессами отшатываются они от чужих страданий: уютней остаться в границах науки» [5, с.20]. Солженицын обращается к роли науки в жизни современного мира, оценке места учёных на земле, в руководстве ими «техническими шагами человечества», управлении ими всего человечества. Нобелиант негативно оценивает опыт учёных в этом отношении. Однако к достижениям и авторитету науки мастер не отказывается прибегать, когда это нужно для подтверждения его мыслей. Так, он пишет: «Современная наука знает, что пресечение информации есть путь энтропии, всеобщего разрушения. Пресечение информации делает призрачными международные подписи и договоры: внутри *оглушенной* зоны любой договор ничего не стоит перетолковать, а ещё проще – забыть, он как бы и не существовал никогда (это Оруэлл прекрасно понял)» [5, с.19-20].

Как видим, писатель связывает успехи науки напрямую со своими политическими взглядами. Видимо, отсюда и проистекает другой его упрек. С укором он отзывается об ООН: «Свой лучший за 25 лет документ - Декларацию Прав человека – ООН не посилилась сделать обязательным для правительств, условием их членства, - и так предала маленьких людей воле не избранных ими правительств» [5, с.20]. Смелый «обвинительный приговор» Солженицына, как видим, не единственный в лекции и касается он судьбы «маленького человека». Спасение

человечества, по мнению писателя, только в том, чтобы «всем было дело до всего». И своей лекцией мастер слова доказывает свою заинтересованность всем, что происходит в мире.

Однако ведущими проблемами лекции, как нам кажется, являются всё же искусство «в руках человека» (искусство и человек), ответственность художника за свое искусство. В связи с поставленными проблемами публицист намечает возможные пути их решения, высказывает оригинальные идеи. В частности, он видит миссию искусства в том, что «искусство растекает даже заглохшую, затемнённую душу к высокому духовному опыту» [5, с.8]. Назначение же литературы, «одного из тончайших, отзывчивейших инструментов человеческого существа», в том, что это живая память нации.

В пятой главке Солженицын пишет: «И ещё в одном бесценном направлении переносит литература неопровержимый сгущенный опыт: от поколения к поколению. Так она становится живою памятью нации. Так она теплит в себе и хранит её утраченную историю – в виде, не поддающемся искажению и оболганию. Тем самым литература вместе с языком сберегает национальную душу» [5, с.16].

Как видим, художник дает высокую оценку литературе за её способность сохранять традиции поколений, за способность сберечь язык и «национальную душу» народа. В шестой главке лекции публицист обращается к вопросу о долге искусства и художника перед обществом, об обязанности их служить ему, отвечать «за язвы сегодняшнего мира». Он замечает: «В русской литературе издавна вроднились нам представления, что писатель может многое в своём народе – и должен» [5, с.17]. Писатели – «ответчики», считает Солженицын, «за язвы сегодняшнего мира». «Однажды взявшись *за слово*, уже потом никогда не уклониться: писатель – не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, он – совиновник во всём зле, совершенном у него на родине или его народом» [5, с.21]. Таково положение писателей, «выразителей национального языка», «главной скрепы нации», «в счастливом случае и национальной души». Наряду с публицистическими рассуждениями о месте и роли писателя в этом мире, Солженицын размышляет о «шкалах» общественных оценок разных народов по отношению к происходящим событиям. Он выделяет «шкалы» для ближних и дальних событий, старых и молодых обществ, благополучных и неблагополучных. Это рассуждение о шкалах необходимо ему, чтобы обратиться к своему богатому личному опыту.

«По одной шкале месячный арест, или «карцер», где кормят белыми булочками да молоком, - потрясают воображение, заливают газетные полосы гневом. А по другой шкале привычны и прощены – и тюремные сроки по двадцать пять лет, и карцеры, где на стенах лед, но раздевают до белья, и сумасшедшие дома для здоровых, и пограничные расстрелы

бесчисленных неразумных, всё почему-то куда-то бегущих людей» [5, с.14].

Личный опыт вновь врывается в эти наполненные горечью рассуждения бывшего узника Гулага, тянет в его непримиримо жёсткие, честные выводы: «При шести, четырех, даже при двух шкалах не может быть единого мира, единого человечества: нас разорвет эта разница ритма, разница колебаний» [5, с.10]. Как видим, известного писателя, как человека совестливого и ответственного, беспокоит абсолютно всё, в том числе единство всего мира. Однако как совместить эти шкалы? Кто создаст единую систему отсчёта – для злодеяний и благодеяний? И поскольку это риторический вопрос, то сам художник и отвечает: искусство, литература, «единственный заменитель не пережитого нами опыта» [5, с.15].

«Единый мир, единое человечество» - не условное, отвлечённое понятие, оно состоит из конкретных малых величин, потому в своей лекции Солженицын неоднократно обращается к маленькому человеку и призывает его «не участвовать во лжи!» В своей публицистической статье «Жить не по лжи!» художник призывает всех людей жить по совести, по правде. Он рассуждает так: «Мы так безнадежно расчеловечились, что за сегодняшнюю скромную кормушку отдадим все принципы, душу свою, все усилия наших предков, все возможности для потомков – только бы не расстроить своего утлого существования. Не осталось у нас ни твердости, ни гордости, ни сердечного жара» [5, с.187].

Нам представляют эти мысли, соображения писателя актуальными и сегодня. Они должны придать смысл жизни современному поколению людей, поскольку, в сущности, являются теперь завещанием автора «Архипелага Гулаг» нынешнему поколению. «Нам бы только не оторваться от стада, не сделать шага в одиночку – и вдруг оказаться без белых батонов, без газовой колонки, без московской прописки. Уж как долбили нам на политкружках, так в нас и вросло, удобно жить, на весь век хорошо: *среда*, социальные условия, из них не выскочишь, бытие определяет сознание, мы-то при чём? Мы ничего не можем. А мы можем – в с ё ! – но сами себе лжём, чтобы себя успокоить. Никакие не «они» во всем виноваты – м ы с а м и, только м ы !» [5, с.187-188].

Мысли Солженицына оказываются живыми, острыми и сегодня. Самое страшное зло на свете, когда человек обманывает себя сам. Эти же мысли возникают и в лекции по случаю присуждения ему Нобелевской премии по литературе. Он доказывает, что писателям и художникам доступно еще большее – победить ложь. Публицист убеждает: «И простой шаг простого мужественного человека не участвовать во лжи, не поддерживать ложных действий! Пусть э т о приходит в мир и даже царит в мире, - но не через меня. Писателям же и художникам доступно большее: *победить ложь!*» [5, с.25].

Солженицын также считает: «ОДНО СЛОВО ПРАВДЫ ВЕСЬ МИР ПЕРЕТЯНЕТ. Вот на таком мнимо-фантастическом нарушении закона

сохранения масс и энергий основана и моя собственная деятельность, и мой призыв к писателям всего мира» [5, с.15].

Как видим, в лекции Солженицын приходит к самооценке всей своей деятельности, призывает всех писателей победить ложь. В лекции высказываются также идеи «рабства у передовых идей», «духа Мюнхена», витающего над Европой, необходимости беспрепятственного распространения информации, в противном случае человечество ждёт путь энтропии (всеобщего разрушения). Многочисленные призывы к простому человеку, писателям и учёным, рассеянные по всему тексту, свидетельствуют об одной из отличительных особенностей лекции.

Нет сомнений, «Нобелевская лекция» Солженицына по своему стилю изложения должна быть признана публицистической, потому что отвечает основной цели этого стиля – сообщать информацию, воздействовать на массы, призывать их к действиям. Характерными стилевыми чертами её являются документально-фактологическая точность, направленность на собеседников, лаконичность изложения при информационной насыщенности, эмоциональность, выразительность, страстный характер. Как известно, Солженицын был страстным публицистом, для него характерна опора на факты и документы. Это обнаруживается и в его публичной речи. Он упоминает в ней Ахматову, Замятина, Альберта Камю, Достоевского, Оруэлла, Генриха Белля, Франсуа Мориака; ссылается на свой опыт пребывания в Архипелаге Гулаг. Автор-публицист выражает свою позицию прямо и открыто. Именно так и поступает Солженицын.

Писатель использует в большом количестве авторские неологизмы: неотирные слёзы, обережены бы были, XX век жесточе, нагруживает в душу нам, растепляет даже захоложенную, затемнённую душу, не поддающемся оболганию, вроднились нам, он – совиновник, не посилилась сделать (всего около 40). В лекции Солженицына функционирует 33 вопросительных и 22 восклицательных предложения, что доказывает активность использования различных синтаксических приемов экспрессии.

Таким образом, «Нобелевская лекция» Солженицына по стилю – публицистическая речь, по типу текста - развернутое рассуждение, по жанру – аргументирующая (убеждающая) речь в сочетании с активными элементами агитирующей речи, призывающей к действиям. В ней сконцентрирована целая система взглядов Солженицына на литературу и искусство, роль в этом мире писателей и учёных, «маленького человека» и всего человечества.

Перспективой работы могло бы стать сопоставительное изучение «Нобелевской речи» Бунина (эпидейктической по жанру) с «лекциями» Солженицына и Бродского с тем, чтобы выявить своеобразие каждой из них.

Литература

1. Архангельский, А. Поэзия и правда // А.Солженицын. – М., 1991. – С.7-40; Герасимова, Л.Е. Этюды о Солженицыне. – Саратов, 2007; Голубков, М.М. А.Солженицын. – М., 1999; Крылова, С.В. А.И.Солженицын // Русская литература XX – начала XXI вв. / под ред. Л.П.Кременцова. – М., 2009. – Т.2. – С.91-134; Лейдерман, Н.Л. Русская литература XX в. – М., 2008. – Т.1. – С.260-317; Паламарчук, П.Г. А.Солженицын. Путеводитель. – М., 1991; Решетовская, Н.А. А.Солженицын и читающая Россия. – М., 1990; Решетовская, Н.А. В круге втором. Откровения первой жены Солженицына. – М., 2006; Синенко, В.С. Этика стоицизма А.Солженицына. – Уфа, 1999; Спиваковский, П.Е. Феномен А.И.Солженицына. – М., 1998; Урманов, А.В. Поэтика прозы А.Солженицына. – М., 2000; Урманов, А.В. Творчество А.И.Солженицына. – М., 2003; Чалмаев, В.А. А.Солженицын. – М., 1994; Штурман, Д. Городу и миру: О публицистике А.И.Солженицына. – Париж; Нью-Йорк, 1998.
2. Слово пробивает себе дорогу: сб. ст. и док. об А.И. Солженицыне. 1962-1974. – М., 1998.
3. См. гл. «Нобелиана» в кн. Солженицына «Бодался телёнок с дубом».
4. Солженицын, А.И. Избранное. – М.: Молодая Гвардия, 1991.
5. Солженицын, А.И. Публицистика: в 3 т. – Ярославль, 1995. – Т.1.